

Клуб рассказчиков

Алексей НАДТОЧИЙ

ЧАСОВЫЕ ЛЮБВИ

Улыбка Антоши Чехонте

Сегодня виртуальный мир переполнен не только «утками» последователей «МММ», но и кое-чем поинтереснее...

Мой старый приятель Владимир Семенович в недавнем прошлом – обыкновенный чиновник. И по-моему, хороший человек. Мы вместе начинали когда-то трудиться на комсомольской стезе. Он – на руководящей в обкоме, я – в молодежной газете. В «конторе», где он до последнего времени служил, строго: отпраздновал юбилей, получил почетную грамоту от губернатора в рамочке и – на заслуженный отдых. Правда, на жизнь он не жалуется, пенсия у него какая-то особая. И к тому же он еще и консультант по вопросам культуры в какой-то фирме.

Недавно наши пути снова случайно пересеклись в кинозальчике «Синема». Известная кинодеятельница, дочь великого режиссера, привезла показать новосибирцам свой новый фильм о Пушкине. В прежние времена ей бы в «Маяковке» полный зал народу набили, а тут скромно так, по-домашнему, горстка журналистов, кинокритиков и культчиновников. И среди них вижу Владимира. Помахали друг другу...

После просмотра кинодама призвала говорить нелицеприятную правду,

но все же намекнула, что русская культура нынче в загоне и очень трудно пробиться на экран с чем-то подлинным... А затем выступал «народ». Одним из первых говорил Владимир Семенович. Проникновенно так, о величайшем гении национальной культуры, о необходимости и т. д. Он в таких речах очень хорошо поднаторел. Когда вместе вышли, стали соображать: куда бы зайти, давно не виделись. Нашли. За столиком я спросил Владимира:

– Тебе в самом деле фильм понравился?

– Ну, видишь ли... Я её *так* понимаю! Тяжело дочерям великих... А потом, знаешь, с некоторых пор я стараюсь говорить людям только хорошее.

– С чего бы это? На службе ты, бывало, крут был! Помню, на худсоветах только так некоторых приговаривал...

– Бывало. Но ведь и доброе слово сказать, и пошутить умели!

– Да, знаю я ваши чиновничьи шутки... Кстати, почему Толя умер? Только-только...

Владимир посерьезнел:

– Погиб Толя. Давай первую за него!

* * *

И после паузы:

– А дело было так... Грамоту в рамочке и цветы мы ему, конечно, на юби-

лей тоже приготовили. Ну, и все положенное по штату. Но один из нас, с самой неумемной фантазией, решил по-дружески пошутить.

Ты знаешь сегодняшнюю моду на всякие звания? Ну, я понимаю, серьезные награды, общественные организации, то да се... Но, бывает, соберутся три человека, купят компьютер (а в наше время пишущие машинки на учете были), зарегистрируют сайт, нарисуют на бумаге экспертный совет и назовут себя информационно-аналитическим агентством при Фонде, заметь, непременно с большой буквы, и в честь какого-нибудь знаменитого человека. И шлют письма: глубокоуважаемый имярек, ваша компания зарекомендовала себя на современном рынке услуг и товаров по высшему классу. Это показали проведенный нами анализ и опрос общественного мнения. И потому просим вас прийти в Зал (тоже с большой буквы), вплоть до Кремлёвского дворца (сейчас все в аренду сдается), для получения причитающейся вам награды и звания... (Отлить какую-нибудь статуэтку сегодня можно в любой мастерской за углом.) Ваше участие в торжественной Церемонии подтвердите перечислением на расчетный счет и т. д.

И ты знаешь, верят русские люди, потому что на лесть слабы, а если кто и не верит, все равно, почему бы за казенный счет... шикарный такой, блестящий орден на грудь не повесить? И всем приятно, – тебе с орденом или каким-нибудь золоченым Гермесом, коллегам – потому что скоро и до них очередь дойдет, потому что этот «бизнес» расширится почище игрового. Но особенно приятно тем троицам у компьютера, что затеяли это доброе дело. Спешите делать добро, господа!

Ну, в общем, ты уже, наверно, догадываешься... На электронную почту нашей «конторы» приходит письмо: уважаемые господа, просим обеспечить участие в церемонии Анатолия Ивановича Бузыкина, признанного лучшим менеджером года в сфере культуры, и прилагается номер банковского счета. Все – чин чинарем! И параллельно из соседнего кабинета для большей убедительности факс с аналогичным текстом. И там указан «телефон для связи», мобильник главного затейника всей этой «шутки».

Я сам позже видел, как он отвечал на вопросы нашего же секретаря при-

душенным голосом: «Да, наше агентство, прежде всего, посоветовалось с компетентными лицами, в наш экспертный совет входят... Затем «ВЦИОМ» провел выборочный опрос в профессиональном кругу управленцев, занятых в сфере культуры, и...» Ну, кто бы мог подумать, что все, понимаешь, абсолютно все поверили в эту хохму, и шеф подписал платежку! Да не куда-нибудь деньги перечислили, а какой-то заснец выудил номер толиного банковского счета, который приготовили ему с небольшой премией в подарок на юбилей! Представляешь коллизия?

А церемонии наместили на зальчик Дома актера, так убедительнее: Толя там по службе был завсегдатай, примелькался на юбилеях творческой интеллигенции, выставках, семинарах, то да се.

Наступил роковой день «черного» юбилея. Шеф собрал у себя «контору». Пришел «вице» с букетом цветов и грамотой. Тут мы со своей «инициативой» не рискнули вмешиваться. Договорились собраться на другой день вечером в ресторане Дома актера...

И встретились, мать, прости меня, Господи!

Стол получился скромный, но с достоинством, как девчонок из ресторана и просили. Договорились даже с артистами из антрепризы, чтобы стихи почитали соответствующие, и рассказик – покорооче – самого Чехова. Толя очень любил этого писателя, и фонд мы учредили Чеховский, и статуэтку в художественном салоне подыскали: молодой Антоша Чехонте чему-то загадочно-грустно улыбается.

В общем, собрались. «От имени и по поручению» статуэтку и некий диплом лауреата девочка из театрального общества юбиляру вручила. Все было просто замечательно. У Толи на глазах слезы неподдельные, да и у нас тоже. Немножко парнишка-актер озадачил: прочитал «Смерть чиновника». Но любопытная вещь, – вино и атмосфера так на всех подействовали, что все мы поверили в реальность происходящего. И даже позже, в курилке, решили про себя, что следующая церемония будет в честь моего юбилея. А уж фонд придумаем!

Ну, в общем, вполне безобидно порезвились и к тому же за свой счет. Всем приятно, и даже обошлись без

«тех парней» с компьютером. Самообслуживание, так сказать...

Но дня через два Толя должен был прийти за вещичками: тихо, незаметно, как водится, прибраться и... освободить кабинет. А его нет и нет. Кузьмич, наш руководитель, нервничает, ему уже кого-то вместо Толи подвесили. Звоним вчерашнему юбиляру. Не отвечает. Разыскали жену. Тоже нет её на работе. Кто-то взял машину и поехал к нему домой. Соседи сказали, что увезли в больницу с инфарктом. Нашли его в 34-й. Дней через пять разрешили навестить...

Через несколько дней поехали в больницу вдвоем с «автором» этой затеи. Толя лежит бледненький, но его из реанимации уже перевели в палату. Рядом заплаканная жена дежурит.

– Анатолий Иванович, как же так, да мы все...

– Ребята, я вас, гадов, вычислил, – говорит.

– Что ты вычислил?

– Я когда сберкнижку пошел «прописывать», чтобы удостовериться, что да как, то понял, что не мог Кузьмич такую сумму туда просто так в подарок перечислить. К тому же поступлений на счет было два: одно мое, а вот другое «тому парню»...

– Какому такому парню?

– Вот-вот! Не было парня вовсе, вам надо было деньги куда-то перевести, и вы перевели их мне! Ребята, ведь это же уголовщина!

Мы сквозь землю чуть не провалились. Но стали уже втроем думать, как выходить из положения.

– А что если плюнуть на все, да и?... предложил инициатор.

– Нельзя! Анатолий Иванович не такой человек...

– Ну, тогда пусть перечислит деньги в какой-нибудь благотворительный фонд на сироток!

– Но факт подлога-то все равно остаётся!

В общем, решили так: Толя пишет доверенность, и мы перечисляем деньги обратно на департамент с припиской: Чеховский фонд, мол, горячо благодарит, но в данном случае вышла накладная, и нужда в деньгах отпала.

– Кузьмич не поверит! – твердо сказал инициатор. – Так не бывает, чтобы кто-то в культуре от денег отказался.

– Если ты такой умный, где же ты раньше-то был? Пусть не верит, важно,

что у Анатолия Ивановича совесть будет чиста!

* * *

– Ладно, понятно, что накуролесили, – сказал я, – хотя это и мало похоже на вашего брата, но с Толей-то что произошло? Отчего все-таки он умер?

– А вот тут, – смачно закусил грибочком Владимир, – самое интересное...

– Да не томи душу! Хоть ты и чиновник, но все же человек...

– Да не умер он вовсе! Жив и здоров, отлежался в санатории, продал квартиру и уехали они с женой к ее матери, то есть к Толиной тётце, в Таганрог, к морю. Там он сейчас жизнью и наслаждается.

– Ну, если тётца до сих пор жива, значит, в Таганроге люди живут долго. Но я сам в газете некролог читал! Да и ты минуту назад сказал, что погиб...

– Было дело! – согласился Володька. – Но погиб Толя условно. Представляешь, восьмидесятилетняя тётца! После инфаркта он сильно изменился. Из обыкновенного госслужащего на пенсии и почитателя Чехова Толя превратился вдруг в некоего итальянистого озорника. Будто своей хохмой мы спровоцировали в нем какую-то болезнь или даже страсть к необычному. Ну, вот представь себе, – заслуженный пенсионер в швейцарской ливрее продает около Оперного перед спектаклем крохотные букетики фиалок! Потом вдруг устраивается дворником, и его встречает в униформе сам Кузьмич около Стоквартирного дома.

– Анатолий Иванович, вы что здесь делаете?

– Мету!

– А в другом месте нельзя? Город большой, мусора везде хватает!

– Нет, нельзя, во дворах именно этих домов должно быть особенно чисто.

Ну, тебе известно, кто здесь живет в основном. И Кузьмич знает, что Толя тоже обитает неподалеку, но просто выдирается.

Потом наши видели, как он продавал какие-то гребенки с лотка, в общем резвился.

– И некролог в газете – это тоже его рук дело?

– Мы потом с редактором объяснялись: как же так, что это за «группа то-

варищей», если никаких похорон не было и «товарищи» – это мы? Стали ему судом грозить, а парень распахивался и заорал: «Я вас всех завтра похороню к такой-то матери! Ну, судите меня, вам что – легче будет? Этот ваш Анатолий Иванович давно на Азовском море пузо греет, а вы нервничаете...»

* * *

Мы вышли с Владимиром на воздух.

– Знаешь, – сказал напоследок он мне, – я теперь, когда смотрю на своих бывших коллег даже в больших чинах, то очень легко вижу в них обыкновенных людей, которым до смерти надоело быть застегнутыми на все пуговицы мундира и так хочется оторваться! Даже не в Таганрог бы уехать, а вообще в Одессу, и посидеть вечерок в «Гамбринусе» с Куприным!

– А лучше на Кубу к папе Хэму или на карнавал в Бразилию к Амаду!

– Нет, денег не хватит!

Сталкер Н-ского уезда

– Наверное, нужно почти всю жизнь отработать в газете, чтобы именно с тобой могло случиться нечто подобное, – рассказал мне недавно коллега одну случившуюся с ним историю.

– Безо всякой иронии говорю, что иногда невозможно не поверить человеку, хотя вся так называемая здравая логика противоречит смыслу услышанного. Один из посетителей редакции после ряда моих публикаций на научную тему принес и показал мне расчеты и чертежи не просто очередного вечного двигателя, а некоей установки, которая черпала энергию прямо из пространства. Мы очень обстоятельно поговорили. Естественно, вспомнили гений Теслы и его таинственные, так и не раскрытые изобретения. Публикация нужна была гостю редакции, чтобы упредить плагиат идеи. Но в конце концов я сослался на авторитет Ломоносова, его закон сохранения энергии, и увильнул от ответственности за энергетическое будущее человечества.

Второй случай был намного интереснее. Вот представь себе, рассказывал друг: приходит уже немолодой, интеллигентного вида мужчина и после неторопливого знакомства спрашивает:

– Как вы думаете, кто написал пьесы Шекспира?

– Вильям Шекспир, разумеется.

– Но надеюсь, вы знаете о гипотезе их создания другим человеком? Вряд ли сын стрэтфордского перчаточника досконально знал историю и культуру не только Англии. Куда благоразумнее поверить, а гипотезы на этот счет есть, что драматургический гений английского Возрождения принадлежит графу Ретленду или Френсису Бэкону!

– Может быть, может быть. А извините, при чем здесь вы?

– А вот это самый интересный вопрос! Дело в том, что Шекспир, то есть не буквально Шекспир, его плоть и дух, а его творчество – это я!

– Интересная точка зрения...

* * *

И Эдвард Григорьевич, так звали посетителя, довольно стройно изложил моему приятелю суть дела. Поверить в эту версию было трудно, и коллега хорошо понял тех серьезных ученых, в том числе и в Академгородке, к которым его гость уже обращался с феноменальными, если бы это было правдой, умозаключениями.

Лет тридцать назад тот закончил иняз местного пединститута по специальности английский язык и литература. Успехи его в постижении англосаксонской культуры были столь впечатляющие, что после поощрительной поездки в Англию по путевке тогдашнего бюро молодежного туризма «Спутник» его пригласили, было, пройти языковую стажировку в одном из религиозных благотворительных центров Лондона. Но куда там... В те годы в капстрану (а Англия была одним из оплотов империализма) выехать в командировку было вообще проблематично, а если еще по приглашению религиозной организации... Словом, ограничилось все аспирантурой при родном вузе, защитой кандидатской диссертации и последующей работой на кафедре одного из самых крупных институтов Новосибирска.

Но тут ему повезло. В воздухе запахло перестройкой. Контакты с Западом стали расширяться. И в первую очередь в технической сфере. Правительство родной страны хорошо понимало хроническое технологическое отставание в промышленности и делало все возможное, чтобы, не роняя лица, как можно больше позаимствовать у проклятых капиталистов – от идеи до технологии. К тому же на переломе 70-

80-х нефть была еще в цене. Это потом уже произошло то, что произошло при Горбачеве, когда казна стала совершенно пуста.

И тут Эдвард Григорьевич стал активно ездить. Сначала его приглашали в качестве переводчика многих деловых делегаций, а со временем у него появились и свои научные филологические интересы. В том числе, дважды он побывал в Стратфорде, на родине великого поэта. А уж все, что касается английской литературы и театра XVI – XVII веков, подверг, так сказать, детальной проработке в Британской библиотеке и Кембридже.

Разрази меня гром, рассказывал он, если это не так, но что было, то было. Однажды он рыбачил с товарищем в Первомайке, неподалеку от железнодорожного моста через Иню. В этом месте сразу пересекаются несколько силовых, в том числе и электрических потоков. Рыба, как ни странно, клюет иногда здесь очень неплохо, особенно в грозу. Тот грозовой день стал для него последним днем на рыбалке вообще: шандарахнуло так, что едва жив остался. Молнию притянул, конечно, мост, но пути электрического разряда довольно извилисты, и они с приятелем, оба обожженные, попали в больницу. При этом приятель довольно быстро поправился. А Эдвард несколько дней был в коме, а после множества операций по пересадке кожи на лице, удаления сгоревших ушных раковин и хирургического «конструирования» век и бровей стал неким человекоподобным героем фильма ужасов. Было ясно, что теперь ему придется менять профиль работы. Ни о каких поездках за рубеж теперь даже мечтать не приходилось. И он с головой ушел в науку и добился на этом поприще весьма значительных успехов. В частности, в очередной период смягчения отношений с Англией, когда в России активизировалась деятельность Британского фонда, за свои научные изыскания он был удостоен международной Шекспировской премии и, кроме того, получил весьма существенный грант. Все это вместе позволяло ему жить скромно, но безбедно, всецело отдавшись науке.

Но с тех пор его стали одолевать странные сны. Собственно, это были даже не сны, а некие провалы или погружения в другую действительность. Еще скитаясь по больничным койкам,

он видел себя то юным актером лондонского театра «Глобус», то, запертый антрепренером в какой-то клетушке, спешно дописывал знаменитые впоследствии трагедии и участвовал в их постановках. Он пировал вместе с друзьями в английских пабах и посещал публичные дома. И даже были какие-то смутные намеки по неизвестным причинам на его не совсем правильную ориентацию...

Когда Эдвард немного поправился, то, приходя в себя, стал вести дневник этих «посещений» в своеобразное Зазеркалье. Естественно, изучил все, что касается деятельности Королевского метапсихического общества, зарылся в литературу о петле времени и изучил математические парадоксы Курта Генделя, согласно которым в жизни возможны и не такие повторения и петли. И с каждым днем в нем начинала расти уверенность, что его походы «туда» есть тоже реальность, наполненная неким высшим смыслом.

Он сочинял сонеты и драмы во время пребывания в вонючих комнатухах шекспировского, то есть теперь уже своего Лондона. А когда, опустошенный невероятно напряженной работой, возвращался домой и после многих дней беспмятства и хорошего отдыха снова садился за письменный стол у себя дома, то из-под его пера выходили творения, не уступающие по художественной силе произведениям Шекспира. Или, например, хорошо зная слабые места в творчестве великого англичанина, он пробовал уже «здесь» переписывать его стихи (на английском эпохи Возрождения, разумеется), выравнивать сюжетные линии и исправлять исторические ошибки. «Здесь» ему это удавалось, «там» – никогда. Как будто он был прикован цепью к некой галереи времени и не мог изменить условий predeterminedной игры.

Наконец он осмелился и поделился своими «опытами» с одним известным ученым и переводчиком с английского в Академгородке. Тот не стал ни смеяться, ни играть в понимание и прямо посоветовал ему обратиться к хорошему психиатру. Назвал даже имя известного доктора медицинских наук.

Два-три раза Эдвард Григорьевич пробовал поговорить с коллегами-филологами и даже показывал им свои «шекспировские» рукописи. Прекрасная мистификация! – был ответ.

Сейчас он знает и вполне освоил методику, как сходить «туда», и даже подумывает, а не остаться ли там навсегда? К тому же жена и уже взрослая дочь, похоже, махнули на него рукой и с молчаливой грустью смотрели на его не прекращающиеся писательские опыты теперь уже за компьютером.

Он боялся об этом говорить вслух, но убеждение в том, что он не просто равен талантом Шекспиру, а в каком-то невероятном временном изгибе, в квазисмещении пространства и времени сам и есть Шекспир там, в XVI веке. Что он сумел каким-то образом привнести в ту эпоху свои знания английской и всемирной истории и культуры и употребил все свои силы, весь свой талант на создание творческого гения английского Возрождения.

* * *

– Впечатляет? – спросил он моего друга.

– Вполне, – ответил тот. – Но что вы хотите от меня?

– Я приглашаю вас «туда» на прогулку. Это, уверен, возможно. Я уже проносил туда вещи, и вот – подарок вам...

И он вытащил из сумки и положил на стол обыкновенный каштан.

– Ну и что? Каштан можно подобрать и на Крещатике или в том же Гайдпарке позавчера...

– Такой – нет. Его подвергли углеводородному анализу. Этот каштан вырос и созрел в Англии XVI века. Вот данные анализа!

– Хорошо, допустим. Но я не каштан. И зачем я вам «там»?

– Вы убедитесь в реальности пока для вас нереального и будете вторым, кто сходил «туда». Значит, нас будет уже двое.

* * *

– Ты знаешь, – закончил свой рассказ мой коллега, – почему я отказался участвовать в этом эксперименте? Я не испугался ни неизвестности, ни этого странного человека. Почему бы и не сыграть в предложенную им игру? Я побоялся себя. Понимаешь, он сходил «туда» и вернулся Шекспиром, потому что, может быть, действительно если и не являлся великим поэтом, то духовно адекватен ему. А кем вернусь я? Да еще без знания языка? Лондонским оборванцем неизвестного проис-

хождения с сифилисом? Полицейским или средневековым Потрошителем? Вряд ли я буду там принцем, двойником известного нищего! Или вот ты... Ты уверен, что спираль истории, как нас учили некогда в школе, идет по восходящей? Или просто лично ты можешь быть хотя бы в равнозначном соотношении с той эпохой и теми людьми?

Часовые любви

Барак гулял. Если точнее – в этот праздничный день он продолжил ежедневное возлияние на «новом качественном уровне». Полянка вокруг двухэтажного обшарпанного дома подсохла, и на проклюнувшейся травке ободранного газона сбоку кучковались мужики разных возрастов в куртках и штанах с лампасами. Этакие генералы «оазиса», или «часовые любви» по Окуджаве, потому что они почти никогда не спали.

Почему им полюбилась эта полуспортивная униформа, одному Богу известно. Наверное, «дешево и сердито».

В общем-то, если здраво судить, то это был вовсе и не барак. Прилегающие одноэтажные ободранные строения с «удобствами во дворе» давно снесли вместе со зловонными уборными. Некогда это двухэтажное здание из шлако-блоков было общежитием «коридорного типа» новосибирского большого завода. И проживала в нем жизнерадостная, холостяцкая и довольная по-своему молодежь. «Сто лет назад» мне довелось участвовать в рейде «Комсомольского прожектора» (был такой «орган» у комсомола) по общежитиям, и мы опубликовали в заводской многотиражке правдивый отчет о выявленных нарушениях. Рассказали, что видели: и как картошку жарили его обитатели с помощью суперметода, когда из электропатрона в потолке свешивается спираль, и под алюю раскаленную «соплю» ставится на два стула сковородка, и про шесть-восемь человек на комнату вместо четырех и т. д.

Замдиректора по кадрам пригласила нас после своей выволочки в райкоме партии на беседу и сокрушалась: «Ну, хоть бы со старшими товарищами посоветовались, прежде чем печатать!»

Общежитие по сравнению с настоящими бараками было еще приличным зданием: удобства – по коридору. Но

когда развалюхи кругом снесли и на их месте выросли современные дома, все их жители стали бывшую общагу называть бараком. И в самом деле: жизнь обитателей давно брошенного на произвол судьбы здания была своеобразной. После того как завод распался, половина бывших заводчан нигде не работала. А что касается общаги – подавляющая часть жильцов со временем оказалась как бы выброшенной, ну, не совсем на помойку, а стали вроде бы как ничьими дворовыми кошками.

Мне доводилось приходиться в новый соседний дом в гости к старым друзьям, и они непременно рассказывали что-нибудь новенькое о мужчинах в лампадах. Жена друга была образованным начитанным человеком и называла их «часовыми любви». Когда я спросил ее – почему, она ответила:

– Вон, видишь, у подъезда всегда минимум двое стоят: днем и ночью. Курят, прохаживаются. А из коридорного окна звучит пусть не Окуджава, но какая-нибудь душещипательная лирика обязательно!

Ее муж однажды позвал меня с собой:

– Слушай, там одна дамочка мне станок по деревообработке предложила, пойдем, посмотрим, мне нужно на дачу!

Пошли. Станок был хоть и цел, но без вилки, скорее всего, его кто-то выбросил, а «дамочка» подобрала. Мы с трудом запитали его электричеством, и он бодро зажужжал. Сговорились о цене и притащили станок домой. Правда, впоследствии мне друг рассказывал, что на даче его приобретение никак не хотело работать:

– Ты понимаешь, видимо, он словно заразился бездельем от хозяйки!

Один из обитателей барака-общаги все-таки выбился в люди. Он разбогател, говорит, содержал СТО, но иногда приезжал в родной двор на почти новой иномарке и угощал бывших соседей. Видимо, ему это доставляло какое-то удовольствие, потому что однажды он привез несколько грузовиков земли и песка и выровнял площадку под окнами с одной стороны. Посеял даже травку и поставил столы для тенниса и коллективного пивопития на свежем воздухе. Но газон не прижился, теннисный стол скоро исчез, а вот дощатый со скамейками остался и верно служил по назначению.

Обычно уже с утра за столом сидели два-три человека. Откуда они брали деньги на выпивку, не такая уж и тайна. Сам видел однажды, как мужики помогали таскать мебель в новый соседний дом, потом увозили куда-то барахло и убранные деревянные оконные блоки, которые, видимо, заменили на пластик. Несколько человек из обитателей бывшей общаги работали в соседнем ЖЭУ слесарями и дворниками, и это было, по общему мнению ближайших жильцов, сущим для них наказанием.

В большинстве своем обитатели барака были больные люди. Сюда часто приезжала «скорая», отсюда, увы, часто хоронили. Но новое народонаселение, поступающее на смену «караулу любви», было очень похоже на прежних. Так уж повелось. Друзья рассказывали мне, как к одной жилище вернулся недавно муж из мест не столь отдаленных, а у бывшей сожительницы уже поселился кто-то другой. Разъяренный прежний любовник распахнул окно и выкинул на лужайку кровать и постель.

Одно время в бараке кто-то стал приторговывать наркотиками. Но вычислить и по всем правилам составить протокол у милиции, по-видимому, проблем не возникло, и торговля зельем не прижилась.

Поэтому мужики с утра, как правило, находили деньги на пластиковую бутылку пива, добавляли спирта, который можно купить в любое время суток, и часами беседовали на лавках.

В общем-то, они были в основном безобидны.

– Счастливые люди! Свобода – их удел! И ни хрена им не нужно! – выразился однажды мой друг, когда мы наблюдали за мужичками с балкона.

Я попытался возразить ему: несчастья тут больше... Он махнул рукой: понятно, мол, и горько.

В недавние праздники, на Пасху, я помогал другу ремонтировать квартиру. Его жена ворчала: грех! Но мы ей внушали: грех бездельничать и пить, а против того, чтобы на праздник работать, ни один бог возражать не будет! Да и классики исторического материализма говорили, что труд облагораживает человека и вообще сделал его из обезьяны...

Мы прибирали на балконе, когда приятель сказал:

– Смотри, Хорь Степаныч летит!

По газону по какой-то немислимой синусоиде двигался пожилой с виду человек в черной куртке и, естественно, штанах с лампасами. Его явно заносило по кривой, он пытался выкарабкаться на асфальт, но это было выше его сил. Наконец, он упал на грязную траву, и у него начали конвульсивно дергаться ноги.

– Помрет ведь! Пойдем поможем! – сказал друг.

Хорь Степаныч был багров, и ему явно было очень плохо. Друг набрал по мобильнику номер «скорой».

– Улица? Номер дома?

– Сейчас посмотрю!

Он сообщил адрес, и мы решили перекурить у тела кандидата в покойники.

Из единственного подъезда барака вырулили еще двое синюшных людей. Потом еще одна – видно, подруга.

Они начали тормошить умирающего:

– Степаныч, очнись, похмелье принесли!

Мы попытались вмешаться и объяснить ситуацию: человек умирает!

Подруга засмеялась:

– Он каждый день умирает! Сейчас выпьет и оживет!

Степаныч действительно стал приходить в себя. Конвульсии его кончились. Его приподняли и поставили на ноги, потом повели, было, к столу. Но решили, что дома ему будет все-таки лучше, и утащили в подъезд.

Мы с другом плюнули и пошли продолжать работу.

– А почему его так странно звать? – спросил я товарища.

– То, что он Степанович, это точно. Помню, даже Виктор. Однажды, когда мы только переехали сюда, он на улице подошел знакомиться, показал паспорт и попросил займы на пол-литра. Я дал, потом еще не раз давал: жалко

человека. А Хорьком его назвали относительно недавно, когда он зубы умудрился вставить. Видел, как они торчат у него? Наверное, нетрезвый техник попался...

Вечером мы тоже пили с устатку пиво перед телевизором. Вице-премьер, курирующий социальную сферу, твердо говорил о том, что с аварийным и ветхим жильем надо, наконец, кончать.

Вот этому «нашему» дому в окружении современных девятиэтажек лет, эдак, шестьдесят с гаком. Когда-то его построили временно для стремительно расквартированного эвакуированного с запада страны завода. Ему не повезло, в отличие от Нахаловки и Каменки, жильцов которых переселила в благоустроенное жилье еще прежняя власть в шестидесятые годы. В оврагах вообще мрак был. Мы сейчас забыли, как на Красном проспекте, неподалеку от площади Калинина, бывало, иностранцы чуть ли не насильно останавливали автобус и все сплошь с кинокамерами и фотоаппаратами выскакивали снимать трущобы.

Нам было стыдно. Сейчас город заметно похорошел. С прежним Новосибирском уже не сравнишь. Полвека прошло. И все-таки болячки остались.

Не хотелось бы пренебрежительно смеяться над обитателями подобных домов. На мой взгляд, любой, даже из самых сытых и благополучных жильцов современных хором чем-то связан с ними.

Бараки – это острова из океана нашего прошлого. И не отмахнешься от них, и куда не денешься.

Можно долго объяснять – почему. Но лучше попытаться понять это сердцем.

...Когда приехала «скорая», мой товарищ спустился, и я видел, как он объяснялся с врачом, разводя руками...